

УДК 33 DOI: 10.14451/1.232.446

Возможность многополярности в современных глобальных экономико-политических отношениях

© 2024 Третьяков Андрей Викторович

Директор Ассоциации организаций в области недропользования Национальная ассоциация пользователей недр. Член комитета по финансовой политике Российского союза промышленников и предпринимателей, член комитета по энергетической стратегии и развитию топливно-энергетического комплекса Торгово-промышленной палаты РФ, член комитета по драгоценным металлам и драгоценным камням Торгово-промышленной палаты РФ.
E-mail: andrey.v.tretyakov@yandex.ru

Ключевые слова: геополитика, трансформация мирового порядка, многополярность, НАЭН, CRIRSCO, глобальные экономико-политические отношения, США, КНР, Россия, Индия, Европейский Союз.

В последние годы концепция многополярности стала важной темой для обсуждения среди международных политических экспертов по всему миру. Повышенное внимание к этой теме объясняется тенденцией убывания господства Соединенных Штатов на мировой арене и стремлением разных государств занять лидирующие позиции, учитывая разнообразные цели и амбиции новых игроков. Изучая международные инициативы России в свете официальных директив, стратегических документов и мнений разнообразных исследователей, можно увидеть, что многополярность всё больше выходит на первый план. Эта идея с течением времени менялась и адаптировалась, часто с акцентом на результаты дипломатических шагов США. **Объект исследования** – многополярность как экономико-политическая категория современности. **Цель исследования** – изучение современных концепций, подходов и обоснований многополярности современного мира. **Основу методологии** составили труды российских и иностранных экономистов, итоги научных форумов, а также документальный метод, системный анализ, синтез. **Научная новизна** работы состоит в обобщении, глубокой систематизации и структуризации научных трудов и обоснованных позиций по специфике многополярности современного мира, что позволяет более четко определить характер текущих глобальных процессов и определить вектор развития мировой политики и экономики.

Рассматривая эволюцию концепции глобальной многополярности, следует подчеркнуть, что в прошлом стратегические приоритеты государств ограничивались их национальными границами и границами непосредственных соседей. Однако с развитием промышленности и появ-

лением инноваций в инструментах и методах производства, а также в логистике произошло формирование нового уровня глобального взаимодействия. Это привело к расширению географии интересов государств за пределы их территорий и к возникновению государств-лидеров

на международной арене. Период после победы СССР и союзных стран во Второй мировой войне и холодная война, в течение которой СССР и США разделили мир на влияния, являются отчетливым примером биполярного мирового устройства [10, с. 25].

Заметный интерес к идее многополярности со стороны западных аналитиков возник примерно в середине XX века. Конец эры СССР и крах западного социалистического блока в конце XX века стали критической точкой для биполярного мирового порядка, подчеркнув необходимость переосмысления глобальных политических реалий. Противостояние доминирующему влиянию США породило размышления о переходе к системе, где множество государств играют ключевую роль.

Однако особое внимание теме многополярности в политическом дискурсе стало уделяться только после того, как Е. М. Примаков в 1996 году озвучил ее актуальность. Когда к 1998 году он возглавил российский кабинет министров, то выдвинул практически реализуемую инициативу сотрудничества между «Россией, Индией и Китаем». С. В. Лавров подчеркнул, что новая концепция многополярного мира, предложенная Примаковым, предполагает балансирование ролей и влияния наций, исходя из их фактического статуса. Актуализированный в 2023 году документ внешней политики РФ акцентирует внимание на стремлении к равноправию государств на мировой сцене [4, с. 77].

Многополярность теоретически способствует равновесию, однако на практике часто приводит к конфликтам и соперничеству между ключевыми акторами. Невзирая на это, многие эксперты утверждают, что такой подход является наиболее устойчивым. Приверженцы данной модели – это те страны, амбиции которых нацелены на устранение факта доминирования одного государства и которые предлагают более равномерное распределение ролей в мировой политике.

На современном этапе развития международных отношений наблюдается повышенная дискуссионная активность относительно концеп-

ции многополярности в мировом устройстве. Множество экспертов и политических деятелей стремятся анализировать существующие глобальные процессы через призму данной концепции. Однако разнообразие интерпретаций и подходов к многополярности усложняет процесс формирования унифицированного восприятия данного феномена в глобальном контексте.

Анализируя взаимосвязь между научными подходами к глобальным экономико-политическим отношениям и ключевыми научными доктринами различных временных периодов, некоторые ученые выделяют «неклассический» подход, где множество параллельных теорий могут сосуществовать вместе, развивая и углубляя понимание истины. При этом постнеклассические исследователи утверждают, что абсолютного понимания реальности достигнуть нельзя, и любое научное представление несет в себе относительную достоверность.

В данном контексте концепция многополярности не является непреложной истиной, а предстает как объект для глубоких размышлений и активного обсуждения. Рассматривая её, можно не только анализировать суть данного феномена в рамках текущего мирового порядка, но и определять глобальные траектории развития и реакцию научного сообщества и властей на изменения в мире [1, с. 128].

В различных теоретических концепциях, на основе мнений исследователей и экспертов, подход к многополярности может существенно варьироваться, иногда даже приводя к переосмыслению ее значимости. Заслуживает особого внимания дискуссия вокруг использования термина «многополярность» и его аналогов, таких как «полицентричность» или «мультиполярность».

Исследуя концепции многополярного мира, крайне важно рассмотреть различные подходы, включая реализм, неореализм, либерализм, конструктивизм, а также цивилизационные и региональные теории. Это обогатит понимание механизмов международных отношений и возможных траекторий развития мировой политики.

Школа политического реализма стремится к достоверному осмыслению мировых событий, акцентируя внимание на реальных происходящих процессах. В этой парадигме исследователи ориентируются на наблюдение и анализ текущих тенденций и динамических изменений в мировой политике, особо выделяя трансформацию баланса сил среди ведущих мировых держав. Важным аспектом здесь является оценка того, насколько аргументированно можно говорить о переходе к многополярной структуре мира с точки зрения реалистичного взгляда на международную обстановку.

Ряд сторонников реализма указывают на возвращение к многополярной системе, характеризующейся сосуществованием нескольких великих держав. При этом акцент делается на экономический потенциал, который при наличии определенных условий и стратегического видения может быть преобразован в военную мощь. Таким образом, по их мнению, новый многополярный мир, скорее всего, будет состоять из держав различного уровня влияния.

В контексте тенденций многополярного мирового устройства акцент делается на усилении роли развивающихся государств и, параллельно, на сокращение влияния Соединенных Штатов на международной арене. Эксперты выдвигают предположение, что экономический прогресс Китая, утрата США их эксклюзивного влияния на небольшие страны, а также появление разнообразных идеологических систем ослабляют превосходство Соединенных Штатов и способствуют трансформации глобального порядка. В этом контексте некоторые аналитики рассматривают многополярность как один из вероятных будущих сценариев. Однако следует подчеркнуть, что не все эксперты склонны видеть США в качестве просто одного из множества «полюсов» в многополярной системе.

Другие аналитики занимают более конструктивную позицию, утверждая, что определение полярности зависит от глобального, а не исключительно регионального баланса сил. В этом контексте Соединенные Штаты Америки на гло-

бальном уровне демонстрируют значительное превосходство над другими государствами в аспектах военно-экономической мощи. Однако действия таких государств, как Россия и Китай воспринимаются скорее как попытки заявить о себе на мировой арене, нежели как доказательства смещения глобальной иерархии.

Следует отметить, что наряду с экспертами, убежденными в формировании многополярности или поддерживающими мнение о сохранении за США статуса глобального лидера, есть исследователи, считающие, что мир движется к новому виду биполярности.

Основная доктрина неореализма включает в себя оценку роли и структуры глобальной системы в контексте анализа мировой политики. Используя эту теоретическую основу, многие специалисты рассматривают многополярность как значимый атрибут международной арены, оказывающий влияние как на действия государств внутри этой системы, так и на общую картину глобальных отношений.

Многополярность рассматривается аналитиками как ключевой фактор, влияющий на развитие военных конфликтов и способствующий формированию более стабильного международного климата. В такой системе увеличивается вероятность локальных военных столкновений при одновременном снижении риска глобальных конфликтов. Это обусловлено стратегической неопределенностью, которая заставляет державы проявлять осторожность в своих действиях. Многополярность также способствует тому, что крупные государства становятся менее склонными к прямым военным конфронтациям, хотя региональные конфликты и вмешательства во внутренние дела других стран остаются возможными. Это предоставляет государствам больше возможностей для гибкого маневрирования на международной арене.

Таким образом, можно констатировать, что с точки зрения неореализма многополярность можно определить как:

– основное свойство международной системы,

оказывающее воздействие на ее составные элементы;

- фундаментальную концепцию, лежащую в основе оценки и прогнозирования действий стран на мировой арене.

Цивилизационный и региональный подходы в изучении многополярности расширяют концепцию участников глобальной политики, а также возможных полюсов многополярного мира.

Теория «столкновения цивилизаций», возникшая в конце XX века, представляет собой новый взгляд на реализм, где ведущую роль в глобальной политике играют цивилизации. В рамках данной концепции достигается консенсус относительно многоцивилизационного фундамента многополярности, а также акцентируется внимание на роли евразийской (российской) цивилизации как одного из основных элементов многополярного глобального устройства. В этом контексте выделяется теория, предполагающая рассмотрение мировых цивилизаций как фундаментальных опор многополярности.

Изучение влияния цивилизаций на современную мировую политику придает концепции многополярности уникальные особенности и формирует собственную область исследований. Основными положениями этого направления выступают:

- позиционирование основной роли цивилизаций как главных действующих субъектов и центров влияния на мировой сцене;
- высокий потенциал конфликтов в межцивилизационных взаимоотношениях.

Рассмотренная концепция дифференциации глобального пространства соответствует региональному подходу, основанному на структуризации мира по отдельным регионам и территориям. В условиях, когда региональные динамики оказывают непосредственное влияние на глобальную политику, данный подход вносит важный вклад в концепцию многополярности. Особое внимание уделяется развитию глобальных регионов, которые превращаются в ключевые элементы новой полицентричной системы.

В контексте развития региональных укладов акцент делается на усиление роли региональных сил в сочетании с ослабевающим влиянием США на международной арене. Основное внимание фокусируется на тенденции, при которой увеличивающийся региональный потенциал может заполнять нишу, образуемую за счет уменьшения значимости США, а также способствовать установлению порядка и стабильности. В этих условиях, на фоне кризиса управления и утраты позиций США происходит разделение глобальной политической сцены. Евразийская региональная система, которая активно продвигается Россией и КНР, начинает играть ключевую роль в формировании фундамента мировой многополярности. В ответ на кризис международного управления Евразия выходит на передний план как основной регион, формируя структуры, альтернативные американским.

Исследуя феномен многополярности с точки зрения региональной концепции, становится важно выделить ряд ключевых аспектов:

- базой глобального многополярного устройства являются укрепляющиеся процессы регионализации и формирования региональных систем и союзов;
- развитие региональных динамик и образование региональных структур тесно связано с повышением возможностей новых центров влияния в лице региональных государств и уменьшением глобального доминирования США.

В рамках либеральной парадигмы, которая занимает важное место в науке международных отношений, встает вопрос о том, как либеральные теоретики воспринимают концепцию многополярности с точки зрения обеспечения глобальной устойчивости и эффективного развития.

Большинство либеральных аналитиков трактуют многополярность через теоретическую концепцию изменений в превосходстве. Развивающиеся державы бросают вызов доминированию западных стран. Однако эти государства еще не настолько мощны и объединены, чтобы предложить свою альтернативную модель мирового

устройства. Многополярность подрывает многосторонние отношения, создает препятствия для функционирования международных организаций и способствует усилению национальных интересов в ущерб глобальным вызовам, требующим коллективных действий. Возникновение новых влиятельных держав, стремящихся к большей самостоятельности и независимости в международной политике, может вызвать разрушение мультилатерализма. В частности, образующаяся многополярность представляет собой угрозу устойчивости мировой системы, препятствуя преодолению трудностей, которые предполагают совместные усилия, включая поддержание мира через совместные действия.

Опасения исследователей касательно будущего многополярности укладываются в рамки либерального взгляда на мировой порядок. В частности, по их мнению, возникновение новых значимых игроков может привести к появлению альтернативных моделей мироустройства или усилению новых держав в рамках существующего порядка. В рамках дебатов о кризисе либерализма, многополярность может рассматриваться как угроза устоявшимся либеральным порядкам и их системе.

Тезис о том, что многополярное мироустройство представляет опасность для стабильности международной арены и либеральной системы, находит как приверженцев, так и критиков.

Для понимания сущности многополярности в рамках современных отношений на глобальном уровне, необходимо обратиться к фундаментальным аспектам конструктивизма. Этот подход подчеркивает важность использования разнообразных концепций и теорий для формирования глобальной политической сцены.

В контексте данного подхода мир не может позиционироваться как многополярный (и также однополярный или биполярный). Многополярная структура мира представляет собой в первую очередь российскую интерпретацию, которую поддерживает ряд государств. Этот подход ограничивается влиянием в рамках конкретного

блока, где его принципы принимаются участниками данного блока. Однако не существует нарратива, который мог бы охватить всю международную систему. Исходя из этого, многополярность не может позиционироваться как всемирно признанная модель, так как она не получает одобрения всех участников международной системы.

Российский взгляд на многополярность выступает как средство противодействия либерального превосходства западных государств, акцентируя право региональных центров силы определять использование демократических идей и защищать свои культурные и институциональные ценности от западного влияния.

Россия, поддерживающая концепцию многополярности и объявившая ориентацию на Восток, в большей степени сосредоточена в своей внешней политике на дискуссиях с западными странами. Это отклонение от многополярного подхода Примакова может вести к изоляции и кризису. Российский внешнеполитический дискурс может включать разработку всеобъемлющей системы евразийской безопасности, охватывающей не только военные и политические, но и культурные, научные и технические аспекты. Одновременно, приверженность к многополярному подходу характерна не только для России, но и для других стран, разделяющих концепцию многополярности.

Таким образом, анализируя многополярность в рамках конструктивистской теории, можно констатировать:

- восприятие многополярности как внешнеполитического явления и социально сформированного образа, стремящегося к описанию и изменению существующей реальности;
- основаниями для прогресса многополярного подхода являются желание государств вести автономную политику, отличную от либерального Запада, и осознание сдвигов в распределении международных сил.

В связи с этим, дискуссии сторонников различных концепций о многополярности мирового

порядка продолжают оставаться актуальными. Некоторые эксперты считают, что мир уже преобразован в однополярное состояние, в то время как другие утверждают обратное, полагая, что изменения еще не произошли, и мир либо остается однополярным, либо движется по другому пути, возможно, к биполярности.

В целом, многополярность представляется не как догма, требующая подтверждения, а как аспект для размышления, давая инсайты в глобальные тренды и расширяя понимание мировых явлений. Приверженцы разных идеологий придерживаются различных трактовок этого понятия. Так, с позиции реализма, многополярность может быть зеркалом глобальных изменений, где ключевой момент – это снижение роли США и усиление позиций других государств. Неореалисты видят в многополярности особый атрибут международных отношений, влияющих на действия властей. Сторонники либерализма пытаются определить воздействие многополярности на глобальную стабильность, причем единое мнение по этому поводу отсутствует. Конструктивизм позиционирует в качестве многополярности не только дискурс, но и стратегию некоторых государств, прежде всего, России. Подход, базирующийся на концепции цивилизации, выделяет новых глобальных игроков на базе цивилизаций, а региональная концепция фокусируется на развитии региональных связей [7, с. 18].

Многие эксперты считают, что многополярный мир предполагает наличие нескольких ключевых государств, играющих главные роли после окончания биполярности и действующих автономно. В то же время важно не смешивать «многополярность» с «многоцентричностью», где акцент делается на множестве влиятельных центров на международной арене.

Анализируя возможность многополярности в современных глобальных экономико-политических отношениях, следует отметить, что ведущие мировые политики, такие как Владимир Путин, Антониу Гутерриш, Олаф Шольц, Анналена Бербок, Эммануэль Макрон, Лула да

Силва и другие, рассматривают современное мировое пространство как многополярное или близкое к такому состоянию. В частности, по словам Жозепа Борреля, с момента мирового экономического кризиса 2008 года мир вступил в эпоху «интегрированной многополярности» [12, с. 429].

Деловое сообщество также активно придерживается данной концепции, например, финансовый гигант Morgan Stanley некоторое время назад представил исследование на тему «экскурсия по многополярной системе», а престижная европейская школа бизнеса INSEAD занята вопросами развития лидерства в таких условиях.

Эту точку зрения трудно оспаривать. Однако возникают определенные вопросы.

Первый вопрос касается исторического опыта: история XIX–XX вв. не демонстрирует примеров постепенного перехода от старого мирового порядка к новому. Напротив, изменения происходили скорее через революционные средства, а не путем эволюции, и были связаны с крупномасштабными военными столкновениями. Новый порядок устанавливался победителями в своих интересах.

Если предположить, что переход к многополярности займет продолжительное время, например, 50 лет (до 2045 года), то это подразумевает, что почти до середины XXI века мир будет находиться в неопределенном состоянии между старым и новым порядком. Это промежуточное состояние неизбежно ознаменуется отсутствием ясных правил и установленных принципов на глобальной арене, увеличением конфликтов между возникающими центрами власти. Возможен даже распад системы на изолированные сегменты и самоизоляция «полюсов» в их собственных региональных системах. Встает вопрос, готово ли человечество к длительному пребыванию в таком нестабильном состоянии и какие риски это может повлечь.

Наконец, стоит проанализировать, действительно ли современный мир, пусть и небольшими

темпами, и нелинейно, но движется к многополярности? Например, стал ли Европейский союз более автономным мировым «полюсом», приблизились ли к такому статусу другие страны, повысилась ли способность Шанхайской организации сотрудничества выступать на международной арене с единых позиций и т. д. Если ответы на эти вопросы не являются однозначно положительными, то делать вывод о тенденции многополярности пока преждевременно.

Сторонники многополярности часто указывают на пример Венской системы XIX века, которая была по-настоящему многополярной и способствовала обеспечению мира в Европе в течение продолжительного периода. Современные эксперты не имеют единого мнения о времени ее краха – было это в 1853, 1871 годах или в 1914 году. Тем не менее, XIX век после 1815 года для стран Западной Европы был достаточно спокойным.

Воссоздание опыта Венской системы в современном, глобальном масштабе представляет собой сложную задачу. Ее участники, несмотря на разнообразие структур, обладали примерно одинаковыми уровнями возможностей и влияния в различных аспектах. Также важно отсутствие глубоких противоречий относительно будущего Европы. В настоящее время данный сценарий кардинально отличается. Возможные участники многополярной конструкции демонстрируют принципиальные различия в своих возможностях. Например, влияние США на международной арене сегодня значительно превосходит роль Британской империи образца XIX века. При этом споры и противоречия затрагивают базовые основы мирового устройства и глобальные вопросы международного права.

Однако исторический успех Венской системы был во многом связан с его способностью к адаптации. Европейские государства того времени могли относительно быстро модернизировать соглашения и альянсы для сохранения глобального баланса. В частности, можно отметить перемену в отношениях между Францией и Россией после Крымской войны, когда быстро последо-

вавшее сближение этих стран привело к изменению политической динамики в Европе и влиянию на конфликт между Австрией и Францией.

Вряд ли можно предположить, что, например, в настоящее время Россия за несколько лет перейдет от сотрудничества с КНР к союзу с США. Это кажется не только нереалистичным, но и несколько абсурдным. Современные лидеры крупных держав лишены той гибкости, которая критически важна для поддержания стабильной многополярной системы.

На мировой арене большие страны, как правило, действуют как доминирующие силы, а малые – как зависимые игроки. В контексте многополярного мира, это предполагает, что только избранные государства или их коалиции могут претендовать на статус отдельных «полюсов» в международной системе. Многие сторонники многополярности считают, что большинство государств не в состоянии самостоятельно поддерживать свою безопасность и экономическое развитие, не говоря уже о значительном влиянии на формирование нового мирового порядка. В результате, в будущем многополярном мире лишь немногие страны будут обладать полноценным суверенитетом, в то время как остальные будут вынуждены жертвовать им ради обеспечения безопасности и благосостояния.

Возникают сомнения относительно жизнеспособности такого мирового устройства, особенно учитывая рост националистических тенденций и проблемы в военно-политических и экономических союзах, затрагивающие как крупные, так и малые страны.

Для сторонников многополярного мира, возможно, кажется, что новые «полюса» мирового порядка будут формироваться естественным путем, а малые государства будут добровольно обращаться за поддержкой к более сильным соседям из-за географической близости, экономических интересов, общей истории и культурных сходств. Однако история часто показывает другое. Например, Португалия избегала слишком тесных связей с Испанией, а Вьетнам не

стремился к интеграции с Китаем. Сложная ситуация в современных отношениях между Россией и Украиной также иллюстрирует эти трудности.

В нашей стране обсуждение многополярности нередко происходит через объединение концепций юридического и фактического равенства государств. Несмотря на различия в ресурсах и возможностях, это не означает, что государства должны различаться в основных правах, вне зависимости от их социального статуса и богатства.

Современная мировая ситуация слишком отличается от той, что была в начале XIX века, чтобы пытаться восстановить традиционную многополярность, что наверняка понимают сторонники многополярности. Анализируя современные российские дискуссии о многополярности XXI века, можно увидеть, что за кажущимся разнообразием часто скрывается привычная двухполярная структура мировой политики, что отражает устойчивое влияние советской эпохи в мышлении.

«Современная биполярность» проявляется в многообразных формах, таких как противостояние «Запада и Востока», разделение на «морские» и «континентальные» силы, либо как дуализм между «либеральным» и «консервативным» миром, а иногда даже как противопоставление США остальному миру. Однако при этом, суть данного явления остается неизменной.

В «классической» многополярности не существует жесткой границы между «правильным» и «неправильным», «своим» и «чужим», «черным» и «белым». В отличие от этого, биполярный мир склонен к четкому разграничению, где «свои» всегда остаются правыми, а «чужие» – виноватыми. В России распространенное понятие «тотального Запада» также является отголоском советской ментальности, не соответствующей заявленной многополярности, но удобной для создания контраста с «тотальным не-Западом».

Закоренелые убеждения, унаследованные от советской эпохи, зачастую заставляют скатываться обратно в паттерны двухполярного мышления,

тем самым лишая возможности эффективного управления в более сложных многополярных структурах, даже когда такие возможности появляются. Однако не все ситуации следуют этому общему правилу. Примером может служить ситуация на Ближнем Востоке, когда, в отличие от подхода администрации Трампа, склонного к биполярному взгляду, Россия смогла найти свой путь, действуя как региональный медиатор между разными центрами силы. В отношениях России с Китаем и Индией, которые в свое время Примаков рассматривал как основу для многополярного мира, ситуация развивается менее удачно: изначально равнозначный треугольник все более склоняется к формированию российско-китайского союза. Для успешной внешней политики одного лишь преодоления устоявшихся биполярных логик недостаточно.

Таким образом, несмотря на утверждения различных экспертов, политических деятелей и руководителей компаний, представление о том, что наш мир приближается к состоянию многополярности, является ошибочным. Это объясняется тем, что многополярность определяется присутствием нескольких доминирующих государств на мировой арене, и их должно быть не менее трех. В настоящее время только два государства имеют достаточный уровень экономического развития, военный потенциал и глобальное присутствие, чтобы позиционироваться как «могущественные державы» – это США и КНР. Других сопоставимых по масштабу государств, которые могли бы присоединиться к ним в ближайшем будущем, пока не наблюдается. При этом имеются страны с большой территорией или растущей экономикой, но не являющиеся мировыми лидерами.

К таким потенциальным мировым державам относится Индия. В 2021 году она была на третьем месте по военному бюджету, но ее расходы на оборону, согласно официальной статистике, все еще существенно отстают от Китая. Индия сфокусирована на внутреннем экономическом развитии, и ее международное военное присутствие пока недостаточно. Возможно, с течением времени, данное государство усилит свои меж-

дународные позиции и войдет в число мировых лидеров [2, с. 23].

Следующим критерием мирового превосходства является уровень экономического развития. Япония, несмотря на мощную экономику, имеет ВВП, который заметно уступает Китаю. Другие государства, такие как Германия и Великобритания, отстают еще сильнее. Что касается Европейского союза, то, несмотря на заявления отдельных политиков, он не выступает в роли третьей «могущественной державы». Европейские страны имеют свои интересы, которые не всегда совпадают. Показателен и тот факт, что ведущие мировые государства предпочитают взаимодействовать напрямую с крупными европейскими государствами, минуя Брюссель.

Россия, благодаря своим огромным просторам, обилию природных богатств и мощному ядерному потенциалу, также, несомненно, претендует на мировое лидерство. Но российские показатели уровня и динамики экономического развития и военного потенциала уступают многим странам, в том числе США и Китаю.

Принимая во внимание динамику мировой экономики, некоторые эксперты утверждают, что страны глобального Юга активно увеличивают свое присутствие на глобальной арене. Однако ни военный, ни экономический потенциал таких государств, как Бразилия, Турция или Южная Африка, не дает возможности признать их в качестве третьего мирового полюса. Эти страны еще не достигли уровня влияния, сравнимого с США или Китаем.

Несмотря на некоторый экономический спад, США продолжают оставаться лидером мировой сцены, особенно в паре с Китаем. Эти два мировых гиганта доминируют в военных расходах и экономическом весе, обгоняя все остальные страны. Примечательно, что общий ВВП данных государств составляет суммарный ВВП приблизительно тридцати стран, следующих за ними по экономическому потенциалу [6, с. 12].

Изменения в БРИКС, особенно на последнем собрании в Йоханнесбурге, многими рассмат-

риваются как шаг к новому мировому порядку. Но внутри этого союза интересы также существенно различаются. Вопросы безопасности выявляют разногласия между ключевыми участниками – Китаем и Индией, что подталкивает последнюю к более активному сотрудничеству с США.

Распространенность концепции многополярного мира, невзирая на приведенные аргументы ее ошибочности, объясняется тремя ключевыми моментами.

Прежде всего, для многих сторонников концепции многополярности, это вопрос идеалов. Они представляют будущее, где Запад уже не доминирует, и экономическое господство равномерно распределено между государствами. Многополярность воспринимается как механизм укрепления международных связей и гармонизации отношений. Европейские лидеры видят в этой концепции защиту от доминирования одного или двух центров и поддержку равноправного мирового порядка.

Многие западные эксперты рассматривают многополярность как альтернативный способ укрепления глобальной системы, более открытой к интересам развивающегося мира. Эта позиция отражает их ожидания в отношении будущей мировой системы.

Акцент на многополярности может быть результатом нежелания признавать растущую напряженность между крупнейшими игроками мировой арены, в частности между США и Китаем, после долгих лет стабильности и глобализации. Таким образом, убеждение в возможности функционирования многополярного мира может служить защитной реакцией на геополитические изменения.

Наконец, риторика о многополярности часто используется в целях своеобразной геополитической игры. Пекин и Москва стремятся через неё ограничить мировое влияние США. Именно с этой целью Россия и Китай в прошлом призывали к созданию нового, многополярного порядка. В условиях растущего геополитического

влияния Китая, сотрудничая с Россией, активно привлекает к себе страны третьего мира. В свою очередь, руководители стран с развивающейся экономикой используют многополярную риторику, чтобы укрепить свои позиции на международном уровне [9, с. 35].

Исследование мировой полярности и распространённые заблуждения на эту тему – это сложный аспект международных отношений. Когда речь заходит о количестве доминирующих глобальных игроков, ошибочные позиции могут привести к искажению стратегических приоритетов государств и, как следствие, к неэффективным политическим решениям. В этой связи выделяются два основных момента, важности полярности в целом как идеи.

Во-первых, в зависимости от структуры мирового порядка (одно-, би- или многополярный), государства сталкиваются с разнообразными внешнеполитическими проблемами и вызовами. Например, в недавно принятой Германией стратегической директиве подчеркивается, что мировой порядок становится более разнообразным и непредсказуемым. Обычно считается, что в многополярных системах сложнее поддерживать стабильность из-за специфики отношений между крупными игроками. Если смотреть на биполярный мир, то ситуацию контролируют в основном два главных участника, четко осознавая, кто их главный конкурент. Это вызывает вопросы о практической применимости немецкой позиции.

Для деловой среды полярность также имеет существенную важность. Ведущие мировые компании и образовательные учреждения стараются адаптировать своих клиентов и студентов к динамике многополярного мира. Но строить многополярные стратегии в условиях, когда доминирующее положение занимают только два государства, может привести к большим экономическим рискам, поскольку торговые потоки и инвестирование часто зависят от глобального порядка. В биполярном контексте основное внимание направлено на личные преимущества стран-лидеров, что может породить экономи-

ческие разделения. Деловая среда имеет свои особенности и связанные с ними риски, и неправильный выбор в плане инвестирования или расположения производства может обернуться серьезными убытками [11, с. 28].

Во-вторых, рассматривая ситуацию в мировой политике, стоит акцентировать внимание на потенциальной ошибке восприятия биполярной структуры как многополярной. Примером подобной позиции являются публичные высказывания Макрона во время его путешествия в Китай. На обратном пути он говорил о возможной роли Европы как о третьем главном игроке на мировой арене. Однако такой взгляд вызвал непонимание среди западных партнеров. С другой стороны, Китай мог ошибочно воспринять это как знак поддержки в контексте американо-китайских отношений.

Очевидно, что уровень поляризованности мира в ситуации с многополярностью станет меньше, однако это не означает, что глобальная ситуация станет более предсказуемой или стабильной. Вместо стремления к не реализуемой идее, было бы разумнее усовершенствовать существующие механизмы сотрудничества.

В будущем мир может изменить свой формат, и Индия, возможно, станет ключевым участником этого процесса наряду с США и Китаем. Но пока реалии таковы, что мы находимся в эпоху двух мировых сверхдержав, и необходимо адаптировать стратегические решения к этой реальности.

Подводя итог, можно сделать вывод, что многополярность глобальной политической арены часто обсуждается среди аналитиков и политиков. Однако, несмотря на популярность этой идеи, реальная картина выглядит иначе. Для того чтобы мир мог считаться многополярным, на глобальной арене должно быть минимум три ключевых игрока. На данный же момент можно выделить только две сверхдержавы – США и Китай. Индия, несмотря на свои амбиции, пока далека от статуса мирового лидера. Япония, впечатляющая своим экономическим потенциалом, не дотягивает до масштабов Китая. Европейский

союз, несмотря на его экономический вес, из-за множества внутренних разногласий не может действовать как единая система. Что касается России, ее ресурсы и территория, безусловно, значительны, но экономическое и военное положение не позволяет ей достичь уровня США или Китая. Бразилия, Турция и Южная Африка все более активны на международной арене, но их ресурсы и влияние также пока далеки от лидеров [3, с. 37].

Отдельно стоит выделить позицию, касающуюся проведения терминологических параллелей между многополярностью и отсутствием идеологической диктатуры. В частности, в рамках данного подхода, сама идея многополярности заменяется идеей устранения мировоззренческого доминирования, а путь к ее достижению предполагает создание универсальных регламентов отчетности, которая является критически важным элементом в оценке устойчивости предприятий, финансово-инвестиционных структур, банков, а также государства и страны в целом.

Одним из таких регламентов является отчетность ESG (Environmental, Social, and Governance – экологическая, социальная и корпоративная управленческая ответственность), раскрывающая деятельность организаций в нефинансовых сферах. Эта модель отчетности привлекает особое внимание инвесторов, подчеркивая важность работы в соответствии с принципами ESG и стимулируя компании к принятию аналогичных инициатив. Отчеты ESG демонстрируют приверженность компаний принципам устойчивого развития, исключая случаи, когда декларируемые намерения не сопровождаются конкретными действиями.

Инвесторы, анализируя данные отчеты, могут убедиться в соответствии деятельности компаний их собственным ценностным ориентирам. Для обеспечения полноты и актуальности предоставляемой информации современные корпорации применяют специализированные инстру-

менты при составлении отчетов ESG.

В этих отчетах выделяются три направления: [8, с. 9]

- эко-инициативы – действия компании по минимизации воздействия на окружающую среду и рациональному использованию ресурсов;
- социокультурные инициативы – усилия компании в развитии социальной ответственности, поддержке коллектива и во вкладе в общество;
- стратегии управления – методики, направленные на предотвращение нарушений и обеспечение стабильности во всех сферах деятельности.

В рамках национальной системы учетных стандартов особое место занимает Кодекс НАЭН, российский стандарт отчетности, который соответствует международным требованиям CRIRSCO, обеспечивая его прозрачность и понятность для аналитиков и инвесторов мирового уровня. Это способствует интеграции российских методологий оценки минеральных ресурсов в международную практику, укрепляя тем самым глобальное сотрудничество и взаимопонимание. Ключевая роль Кодекса НАЭН в укреплении российской финансовой инфраструктуры и развитии банковского сектора подкрепляется международным признанием его эффективности, отмеченным ведущими регуляторными органами, включая Европейскую комиссию по биржам и ценным бумагам (ЕСМА), Комиссию по ценным бумагам Британской Колумбии, Управление по финансовому регулированию и надзору (FCA) и Комиссию по ценным бумагам Онтарио (Канада). Это открывает дорогу для разработки стандартов нефинансовой отчетности в различных областях, способствуя защите национальных интересов через интеграцию российских практик в мировые финансовые и учетные системы, с учетом основополагающих принципов суверенного законодательства.

Библиографический список

1. Агаркова А. С. Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11, 2А. – С. 125–131.
2. Атамали К. Е. Внешняя политика России: многополярность и поворот на Восток // Россия и мусульманский мир. – 2021. – 1(319). – С. 15–26.
3. Базавлук С. В., Курылев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 30–42.
4. Герасимова Ю. И. Евроатлантический взгляд на концепцию многополярности в контексте деградации западных ценностей // Дипломатическая служба. – 2023. – № 1. – С. 75–78.
5. Егорова М. В., Дзюбан В. В. Роль российской экономики в режиме многополярности // Мировые цивилизации. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 60–65.
6. Кирдина-Чэндлер С. Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. – 2022. – № 10. – С. 3–16.
7. Королев И. С. Американоцентризм и многополярность в глобальной экономике (торгово-политический и финансовый аспекты) // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 1. – С. 12–22.
8. Мартыненко С. Е., Мартыненко Е. В. Евразийство в условиях многополярности: от истории к политике // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, 5А. – С. 5–10.
9. Савченко М. С. Многополярность и всеобщая безопасность: проблемы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2021. – 1(50). – С. 33–38.
10. Сафронова Е. И. Китайский фактор в текущей эволюции многополярности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – Т. 28, № 28. – С. 20–33.
11. Смирнов С. В. Направления совершенствования концепции государственного суверенитета в условиях «реальной многополярности» // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – 3(11). – С. 22–31.
12. Солуянов В. С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 424–445.